

Н. Е. ЕРОФЕЕВА, Т. Е. КРАУТМАН

Философия истории в публицистике М. Дрюона

Основным вопросом философии и литературы является вопрос о смысле жизни как конкретного человека, так и исторически конкретного общества. В связи с этим объективно встают так называемые вековые проблемы: во имя чего существует тот или иной порядок, та или иная форма человеческой жизни и зачем, во имя чего живет сам человек.

Обозначенные вопросы являются актуальными и в философии, и в литературе, получают в произведениях на историческую тематику особую, специфическую форму выражения. Связь литературы и философии подчеркивает в своем эссе и П.-А. Симон: «История всегда была, главным образом, познанием прошлого через ее политические события, общественные институты, ее нравы и литературу; и ничто не казалось более важным, чем вновь представить ушедшие времена перед взором живущих или под пером писателя, или в размышлениях философа»¹. Более того, писатель, обращаясь к исторической теме, ищет опору, подтвержде-

ние своим мыслям, догадкам и чувствованиям в философской теории. А критика литературы ссылается, по мнению П.-А. Симона, на историю, «чтобы систематически рассматривать ее отношения к эпохе, ее многозначность значений соответственно эпохам, ее место в эволюции жанра или идей и чувств»².

В интервью Д. Бурде, опубликованном в сборнике «Короткие встречи» («Brèves rencontres», 1963), Морис Дрюон признался: «Я пылаю страстью к истории...» («Je suis passionné d'histoire...») ³. Подобное признание мог сделать человек, на молодость и творческое становление которого судьба отпустила столь трагические и будоражающие события, определившие его деятельность писателя, публициста, журналиста и активного общественного деятеля, неравнодушного к истории своего народа.

На страницах исторического цикла «Проклятые короли» М. Дрюон предстает перед читателем как автор цельной концепции философии истории. На ее формирование ока-

зали влияние ряд обстоятельств, засвидетельствованных самим писателем в воспоминаниях, интервью и публицистических произведениях.

Философские воззрения М. Дрюона развивались не только под влиянием событий, которые пережило его поколение. На становление взглядов писателя наверняка оказали определенное влияние известные в Европе концепции философии истории К. Ясперса, Р. Арона, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера. Предметом исследований названных ученых выступали глобальные проблемы всемирной истории и всемирной цивилизации. Так, в первой половине столетия выходит ряд работ, сферой размышления которых являются смысложизненные вопросы — «Закат Европы» (1923) О. Шпенглера, «Постижение истории» (1935) А. Дж. Тойнби, «Введение в философию истории» (1938) Р. Арона, «Смысл и назначение истории» (1948) К. Ясперса и др. В них анализируются проблемы смысла и цели существования общества, его генезиса, судеб и перспектив, направленности движущих сил и возможных закономерностей развития.

Развитие философии истории в 1930–1940-е годы находится во взаимно обуславливающих отношениях с общественным историческим сознанием. Сама история стала в наибольшей степени идентифицироваться с судьбами нации и народа. Стремясь к универсализму, философия истории проходит через постижение судьбы страны в контексте истории мировой цивилизации. А. Дж. Тойнби, например, в своем трактате «Постижение истории» (1935) считал, что философия истории есть особый подход к историческому материалу, когда содержание всей целостности исторического процесса становится предметом особого, специфически философского воззрения и истолкования: «В каждом случае мы должны мыслить в терминах целого, а не части, видеть главы повести как события жизни общества, а не отдельного его члена, следить за судьбами его представителей — не за каждым в отдельности, а в общем потоке — вос-

принимать их как голоса единого хора, которые имеют значение и смысл в общем строе гармонии, но теряют их, как только становятся набором отдельно звучащих нот. Вглядываясь в историю с этой точки зрения, мы в мутном хаосе событий обнаружим строй и порядок и начнем понимать то, что прежде казалось непонятным»⁴.

Осмысление истории у М. Дрюона проходит параллельно с философией истории через различные гносеологические аспекты, которые соединяют авторский субъективизм и объективное толкование философии истории, общезначимое в философии истории и личное у писателя. Разрозненные философские идеи автора можно обнаружить в его публицистических произведениях, датируемых 1940–1968 гг. Тезаурусный подход позволяет объединить их в завершенную концепцию, которая рационально выстраивается на основе ключевых понятий философии истории: история как универсальное знание о прошлом, историческая ситуация, время и эпоха, масса, публика, народ, роль личности в истории. Опираясь на них, можно структурировать тезаурусную модель М. Дрюона.

Согласно Вал. А. и Вл. А. Луковым, «единство тезауруса обеспечивается субъективно через единство личности»⁵. Отсюда логично сформулировать константы в концепции писателя:

— гносеологическая константа: в изучении истории автору всегда свойственно творческое и философское переосмысление исторических процессов и реальности;

— деятельностная константа: писатель не только сам творчески переосмысливает историю, но и делится своим мнением с читателями, давая собственные оценки историческим событиям, он вовлекает в полемику читателей, желая обрести своих единомышленников;

— аксиологическая константа: стремление М. Дрюона извлечь из истории этические, нравственные уроки и на их основе воспитывать своих читателей, убеждая в ответственности поколений;

— константа соотнесенности авторского тезауруса через читательские тезаурусы, т. е. отождествление мировой истории читателями сквозь призму авторского ценностного подхода.

Публицистика М. Дрюона сравнима с философским осмыслением реальности. Авторский тезаурус неразрывно связан с осмыслением места человека, и прежде всего писателя, в обществе, которое он сам себе определил мерой ответственности за происходящие события. По его собственному признанию, «после тридцати лет, если хотите, после присуждения Гонкуровской премии, я почувствовал свое предназначение размышлять о судьбах мне подобных. Я причислил себя к прогрессивным деятелям, в полном смысле этого слова, так как для меня прогресс человечества, если не постоянно очевиден, то, по крайней мере, возможен»⁶.

Для писателя «Франция — идея, которая всегда сочетается с историей» («La France c'est une idée qui épouse l'Histoire») ⁷. То есть для него «история» обозначает некоторую реальность, точнее, познание этой реальности. Свой подход к изучению истории М. Дрюон объясняет тем, что, по его мнению, «исторический сюжет предоставляет писателю широкие возможности — на реальной основе, которую дают ему доподлинные факты прошлого, — выразить и передать другим свое видение человеческой природы, свое представление о человеке»⁸.

Отношение к познанию реальности истории у М. Дрюона близко точке зрения Р. Арона, который утверждал, что человек не только находится в истории, но и носит в себе историю, которую изучает: «Я познаю самого себя, я, как и другие, в здравом уме, я признаю историю-объект как место моего действия, признаю духовную историю как содержание моего сознания, признаю всеобъемлющую историю как свою природу. Я сливаюсь со своим становлением как человечество со своей историей»⁹.

С Р. Ароном соглашался К. Ясперс, полагая, что история является воспоминанием

и в ней находятся корни человеческой жизни: «История — основа, однажды заложенная, связь с которой сохраняется и не позволяет бесследно исчезнуть»¹⁰. Созвучность мыслей философов и писателя позволяет утверждать, что в процессе применения тезаурусного подхода к философии истории и к творчеству М. Дрюона можно проследить своеобразные перекрестки нескольких индивидуальных тезаурусов, их диалогичность и соотнесенность ценностных ориентаций, выраженных в различных авторских кодах.

Содержание исторической ситуации в философии истории связано с понятиями «время» и «эпоха». Каждая историческая эпоха отличается от другой своей специфической ситуацией. Согласно К. Ясперсу, возможно формирование близких исторических ситуаций, которые являются предпосылками возникновения и развития процессов, родственных по своему духу. В этом же убежден и М. Дрюон: ни одна нация «в наше время не может существовать изолированно, так же, как ни одно радикальное изменение в обществе не может совершиться без участия других наций»¹¹. Оба — и философ, и писатель — делают акцент на том, что человечество не только проходит единый путь развития, но и что нации в своем становлении влияют друг на друга.

В работе «Смысл и назначение истории» (1948) К. Ясперс писал: «Прошое содержится в нашей памяти лишь отрывками, будущее темно. Лишь настоящее могло бы быть озарено светом. Ведь мы полностью в нем. Однако, именно оно оказывается непроницаемым, ибо ясным оно было бы лишь при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе. Мы стремимся к осознанию ситуации нашего времени. Однако эта ситуация обладает скрытыми возможностями, которые становятся зримыми лишь после своего осуществления»¹².

Логика рассуждений М. Дрюона также связана с идеями философии истории. Характеризуя современную ситуацию, он отмечает: «В нашу эпоху стремительной транс-

формации образа жизни людей, способов познания и действия со всеми трудностями и сложностями, которые отсюда проистекают, человек испытывает все более острую необходимость вернуться к истокам, он охотно вопрошает прошлое, чтобы обрести там вечные человеческие ценности и получить хотя бы частичные ответы на тревоги сегодняшнего дня»¹³. Становится очевидным, что в мировоззрении М. Дрюона находят отражение ценностные приоритеты, исследуемые философией историей. При этом важное значение для писателя приобретает понятие времени.

Еще К. Ясперс указывал, что время имеет для человека неповторимое значение историчности, тогда как существование по своей природе — лишь постоянное повторение одного и того же; оно меняется бессознательно на огромном протяжении времени. М. Дрюон вторит словам философа, отмечая, что «люди всегда одни и те же. Меняется мода, меняются направления в культуре, в искусстве, меняется стиль жизни, а люди... люди остаются теми же. Просто мы всегда идеализируем прошлое, именно прошлое. И нам всегда кажется, что люди тогда были счастливее»¹⁴.

Особое место в философии истории и в концепции М. Дрюона занимает проблема человека как исторического существа, которое не может сбросить с себя бремя истории. Сложность заключается в том, что всякий человек как индивид олицетворяет собой одновременно народ и массу. Однако он совершенно по-разному ощущает себя в том и другом состоянии. Ситуация заставляет его быть массой, индивид же прилагает все усилия, чтобы сохранить связь с народом, но остаться личностью.

В своих публицистических произведениях М. Дрюон следует за К. Ясперсом, выстраивая в единую мировоззренческую систему понятия «масса», «публика», «народ». И философ, и писатель не отождествляют массу и народ. Они едины в том, что народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и тради-

циях. Человек из народа обладает личными чертами характера, благодаря силе народа, которая служит ему основой. Народ — явление исторически неоднородное. Он — творец истории, но его творческая роль исторически неодинакова, как неодинаков и сам народ на различных ступенях развития общества, как неодинаков его опыт, знания, сознательность. Так, например, в «Письме европейскому дипломату» (1943) М. Дрюон отмечает возросшую сознательность народов Европы во Второй мировой войне: «Народы не в состоянии представить себе, что после стольких мучений и страданий, что после стольких преступлений и бедствий, после того, как уничтожено столько детей, после того, как сожжено столько талантов и произведений искусства, они не в состоянии представить себе, что, выдержав весь этот голод и все эти разрушения, народы не обретут лучшей жизни. Я думаю, народы правы, иначе они не совершили бы того, что совершили»¹⁵. Эти слова подтверждают убеждение автора в особой роли народа в истории, и, кроме того, писатель в своих размышлениях выдвигает задачу предостеречь народы от опасностей, которые таит в себе исторический процесс, и извлечь из него положительный или назидательный опыт. В результате тезаурус М. Дрюона предстает в аксиологической перспективе.

Историческая роль народа, согласно теории К. Ясперса, возрастает по мере прогресса человечества. Это объясняется углублением социальных преобразований. Чем более сложные исторические задачи встают перед обществом, тем все более широкие массы народа включаются в социальные преобразования. М. Дрюон также отмечает, что рост влияния народа на жизнь общества, в свою очередь, обуславливает ускорение темпов исторического развития: «Народ полон животворящих сил... Поставьте перед ним великую задачу — и он ее выполнит»¹⁶, «поэтому народы ждут от тех, кто руководит нациями, новой организации европейского общества, которая позволит им завоевать достойное положение. И они не успокоятся,

пока не добьются этого»¹⁷. Так концепт философии истории «народ» приобретает актуальное и глубоко осмысленное звучание в тезаурусе М. Дрюона.

В трактовке понятия «масса» тоже следует отметить общность взглядов К. Ясперса и М. Дрюона. Оба убеждены, что в отличие от народа масса не структурирована, не обладает самосознанием, она лишена каких-либо отличительных свойств и традиций. Масса является объектом пропаганды и внушения, не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания. Массы возникают там, где люди лишены своего подлинного мира, корней и почвы, где они стали управляемыми и взаимозаменяемыми. Однако и тот, и другой отмечают, что путь истории неминуемо ведет через массы и каждый, кто хочет обрести значимость, стремится идти в ногу с ними. Между тем массы сами по себе не обладают свойствами личности; они ничего не знают и ничего не хотят, они лишены содержания и служат орудием того, кто льстит их общим психологическим влечениям и страстям. Массы в концепции М. Дрюона соответствуют «великому движению приливов и отливов, где каждый думает и действует в толпе, с этой толпой, но в то же время ведет свою независимую жизнь»¹⁸.

В своей теории К. Ясперс считал промежуточным звеном между народом и массой публику. Публика подобна массе, но воплощает в себе общественное мнение о духовных ценностях, хотя часто меняет свои оценки. При этом каждый индивид живет в сообществе людей, которые прислушиваются к его словам и, в свою очередь, влияют на него. Для них он представляет ценность, имеет определенный круг, связан со своим народом, его языком и духовной традицией. С философом соглашается М. Дрюон в интервью «Douze minutes de verite» (1965): «Существует вкус к завоеванию публики; разумеется, он у меня есть. Я пишу, чтобы быть прочитанным как можно большим количеством людей»¹⁹. Таким образом, очевидно стремление писателя не только обрести круг читателей, но и превратить их в еди-

номышленников, которые воспринимают историю через призму авторского миропонимания.

А. Дж. Тойнби — еще один философ, определивший некоторые положения философии истории у М. Дрюона. По мнению А. Дж. Тойнби, история в своей целостности и конкретных проявлениях имеет некоторое всеобщее содержание. Это содержание состоит в том, что исторический опыт и историческое время не даны человеку как нечто внешнее в отрыве от его внутренней жизни и его личности. Схожие мысли высказывает М. Дрюон в политическом памфлете «Будущее в замешательстве» (1968), где он отмечает объективные процессы истории, которые в значительной мере опосредованы человеческой личностью, ибо проходят через ее внутренний мир, внутренний опыт, внутренние конфликты. Писатель подчеркивает, что история всецело не подчиняется человеческому произволу, но, развиваясь через человека, она имеет человеческое лицо. М. Дрюон приводит яркий пример личности Жана Кавалеса, героя Сопrotивления, расстрелянного в гестапо: «Если бы не было таких, как Жан Кавалес, хотя бы одного на десятки тысяч французов, хотя бы одного на сотни тысяч европейцев, находившихся в оккупации... не было бы даже шанса родиться»²⁰. Писатель приходит к выводу, что, выбрасывая из истории глубинное, внутреннее содержание личности, содержание, незаметное поверхностному взгляду и трудно реконструируемое, возникает риск выбросить из нее все наиболее существенное.

В военных воспоминаниях М. Дрюон отмечает, что, читая «Войну и мир» Л. Толстого, он ассоциативно и постоянно, доходя до галлюцинаций, проводил аналогию между своими товарищами, выпускниками кавалерийской школы в Сомюре и толстовскими героями. Преклоняясь перед русским гением, он пишет: «Великими портретами в искусстве являются те портреты, под которыми можно поменять имена...»²¹ И Дрюон менял эти имена на современных ему героев, согла-

шаясь тем самым с традиционной философией истории: конкретный человек поневоле участвует в живой эстафете, в живой преемственности поколений, осознанием которой определяется специфика истории. И следовательно, для каждого индивида объективная история одновременно является личной историей.

Человек у А. Дж. Тойнби выступает в качестве творца истории, поскольку «никто не может считаться самим собой, не выразив свою сущность в действии»²². М. Дрюон также убежден, что «человек может быть счастлив лишь тогда, когда все, что он имеет, завоевано и получено через его собственные усилия»²³. Значит, источником любого социального действия, по мнению как философа, так и писателя, является сам индивид.

Важнейшим аспектом в понимании человека А. Дж. Тойнби было решение проблемы свободы. Степень свободы человека для философа достаточно «велика, поэтому она является решающей для всего человеческого рода»²⁴. Но история имеет и определенные закономерности, и «человек, — по словам А. Дж. Тойнби, — не может модифицировать или приостановить действие законов, но он может воздействовать на влияние закона; он правит своей телегой по линии, которой этот закон служит своей целью»²⁵.

Убеждения философа в концепции М. Дрюона предстают в виде аксиомы: «Анархия, проявление анархической воли — это сравнимо со смертельным импульсом. Жизнь во всех ее проявлениях должна быть подчинена законам или даже иерархиям структур законов. Жизнь невозможна без соблюдения этого условия»²⁶. Общество, согласно взглядам М. Дрюона, делится на инертную массу и элиту (творческое меньшинство), рядом с которой стоят великие личности, и именно творческое меньшинство ведет все общество по историческому пути. Человек становится творцом истории. Великая личность будит инертные массы, создавая социальные конфликты. Поэтому М. Дрюон требовательно относится к таким личностям, заявляя: «Народы ждут от диплома-

тов, экономистов, социологов, министров — тех, в чьи руки отданы судьбы общества, чтобы они сдержали свое слово и указали им путь»²⁷.

Таким образом, публицистика М. Дрюона характеризуется философским осмыслением реальности и по сути своей гуманистична: «...прежде всего гуманизм, так как речь идет о человеке» («humanisme, oui, car c'est bien de l'homme qu'il s'agit») ²⁸. В его произведениях прослеживается единая мировоззренческая линия. Сложившаяся у М. Дрюона концепция философии истории находит свое подтверждение в его публицистических произведениях. В историческом цикле «Проклятые короли» она получит свою наиболее целостную реализацию.

¹ Simon P.-H. L'esprit et l'histoire. P., 1969. P. 11.

² Ibid.

³ Bourdet D. Brèves rencontres. P., 1963. P. 59.

⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории [Электронный ресурс] [С. 20] // <http://www.lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/hystory.txt>

⁵ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 1. М., 2005. С. 5.

⁶ Bourdet D. Op. cit. P. 63.

⁷ Ibid. P. 65.

⁸ Наркирьер Ф. С. Французский роман наших дней. М., 1980. С. 78.

⁹ Арон Р. Ведение в философию истории [Электронный ресурс] [С. 216] // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000781/st000.shtml>

¹⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории [Электронный ресурс] [С. 239] // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000655/index.shtml>

¹¹ Druon M. L'avenir en désarroi. P., 1968. P. 17.

¹² Ясперс К. Указ. соч. [С. 140].

¹³ Наркирьер Ф. С. Указ. соч. С. 77.

¹⁴ Дрюон М. У меня нет ностальгии [Электронный ресурс] // <http://www.allbio.ru/art/druon/2993/>

¹⁵ Дрюон М. Письмо европейскому дипломату // С Францией в сердце: Французские писатели и антифашистское Сопротивление 1939–1945 / сост. В. Козовой ; пер. с франц. М., 1973. С. 502–503.

¹⁶ Там же. С. 498.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Наркирьер Ф. С. Указ. соч. С. 89.

¹⁹ Druon M. Douze minutes de vérité. P., 1965. P. 115.

²⁰ Druon M. L'avenir en désarroi. P., 1968. P. 63.

²¹ Дрюон М. Зрелый возраст // Толстовский сборник. Тула, 1970. С. 195.

²² Тойнби А. Дж. Указ. соч. [С. 255].

²³ Druon M. L'avenir en désarroi / M. Druon. Paris : Plon, 1968. P. 37.

²⁴ Тойнби А. Дж. Указ. соч. [С. 147].

²⁵ Toynbee A. J. Der Gang der Weltgeschichte. München, 1979. Bd. 2. P. 368.

²⁶ Druon M. L'avenir en désarroi. P. 15.

²⁷ Дрюон М. Письмо европейскому дипломату. С. 498.

²⁸ Druon M. L'avenir en désarroi. P. 93.